РАЗДЕЛ XIX. ПОЛИТОЛОГИЯ

Зотова А.С.

Реализация концепции «мягкой силы»: чего не хватает России?

*Сибирский федеральный университет
(Россия, Красноярск)*

doi: 10.18411/sr-10-12-2020-52

idsp: sciencerussia-10-12-2020-52

Сегодня мы являемся свидетелями модернизации мировой политики. С конца XX века военная мощь, «жесткая сила» государств начинает отходить на второй план, и на первый выдвигается «мягкая сила», определение которой впервые было дано профессором Гарвардского университета Джозефом Наем, отмечающим следующее: «Сила – это способность изменять поведение других для получения того, чего вы желаете. Для этого есть три основных способа: принуждение (палка), плата (морковка) и притягательность (мягкая сила)» [1, р.4]. «Мягкая сила» по Дж. Наю – это способность «нравиться» за счёт трех компонентов: наличия привлекательного имиджа, проведения определенной культурной политики, воздействия на информационную и образовательную сферу другой страны. В 2006 г. Джозеф Най написал письмо в журнал «Foreign Affairs», где указал, что в России, Китае и ряде других стран неверно поняли термин «мягкая сила». Между тем, «мягкая сила» — это не пропаганда и не покупка элиты, а технология культурного и информационного воздействия на другую сторону.

Таким образом, «мягкая сила» является неотъемлемой частью стратегии внешней политики любого государства [2, с. 17]. С помощью четко проработанной стратегии «мягкой силы», а также новых технологий эффективно обрабатывается сознание людей, формируются новые ценности, соответствующие реалиям и выгодные для элит определенных стран. Отсюда следует, что выработка концепции «мягкой силы» для России необходима не только для продвижения своих интересов, но и для их защиты.

Ряд экспертов в настоящее время сомневается в способности России конкурировать на равных с ведущими странами Запада. Джозеф Най еще в конце 2014 года выразил мнение, что у России уже почти не осталось мягкой силы, которую она могла бы использовать [3].

И действительно, в рейтинге ведущих стран мира по критерию «мягкой силы», подготовленном центром Публичной дипломатии Университета Южной Калифорнии и PR-агентством *Portland*, в 2019 г. Россия переместилась на 30 строку (в 2018 году Россия занимала в рейтинге 28 место). Возглавляют рейтинг Франция, Великобритания и Германия [4,5].

В данной статье мы постараемся проанализировать причины слабости российской «мягкой силы», а также определить приоритетные направления развития концепции.

Дж. Най выделяет три ресурса (компонента) «мягкой силы»: политические ценности (которые признаны внутри государства и за его пределами), культура (которая привлекала бы других), а также внешняя политика (законная и имеющая моральный авторитет). Благодаря данным развитым ресурсам, по мнению Дж. Наю, государство может быть привлекательным для иностранных граждан, а также иметь большое влияние в мире. Кроме вышеназванных трех компонентов, существует ряд инструментов, позволяющих успешно реализовать стратегию «мягкой силы». Среди таких инструментов можно выделить публичную дипломатию (в первую очередь, это

информационная политика государства, образовательные программы и программы академических обменов, деятельность аналитических центров, а также программы гуманитарного сотрудничества – главным образом, в сфере языка и культуры), цифровую дипломатию и деятельность дипломатов.

Работа в направлении развития «мягкой силы» России ведется уже несколько лет. В 2013 г. «мягкая сила» была официально включена в новую концепцию внешней политики Российской Федерации как «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [6].

Сегодня проблема заключается в том, что система «мягкой силы» в России еще не отстроена, отсутствует самый важный ее компонент – концепция. В своей работе Бурлинова Н.В. отмечает: «... по сравнению с Соединенными Штатами российский опыт в этой области значительно отстаёт. Это связано с двумя важными моментами. Во-первых, отсутствием концептуальной составляющей, которая могла бы стать основой идеологической работы с зарубежным сообществом... Однако здесь возникает вторая проблема – отсутствие отстроенной системы продвижения этих ценностей, той самой полноценной системы публичной дипломатии, в рамках которой равномерно и гармонично развиваются все четыре базовых направления (*информационная политика, образовательные программы и программы академических обменов, деятельность аналитических центров и программы широкого гуманитарного сотрудничества - главным образом, в сфере языка и культуры - прим. автора*)» [7, с. 28]. Более наглядно это изображено на нижеприведенных схемах.

Рис. 1.: Система публичной дипломатии России [7, с. 27].

Таким образом, очевидно, что России сегодня необходимо сформулировать четкую концепцию «мягкой силы» и создать скоординированную и функциональную систему институтов публичной дипломатии с целью полноценной реализации концепции.

Вместе с тем, можно сказать, что определенные шаги в данном направлении уже предпринимаются. Так, например, есть определенные успехи в российской информационной политике. В последние годы роль России стала более значимой во многом благодаря более широкому охвату мировой аудитории посредством социальных сетей, канала *Russia Today* и агентства *Sputnik*.

Также Россия активно развивает образовательные программы и программы академических обменов. Ряд российских ВУЗов – Московский государственный университет (МГУ), Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Высшая школа экономики (ВШЭ), Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Уральский федеральный университет (УрФУ), Новосибирский государственный университет (НГУ) и Казанский федеральный университет (КФУ) активно поддерживают межкультурные связи и укрепляют свои позиции в международном образовательном пространстве, ежегодно принимая сотни иностранных студентов и отправляя российских студентов за границу в рамках программ обмена [8].

При этом важно отметить, что, несмотря на достигнутые успехи, в условиях пандемии этому направлению необходимо уделить особое внимание. Говоря о том, что дистанционное образование сегодня приобретает все большую популярность, программный директор Российского совета по международным делам И. Тимофеев отмечает: «Однако оно порождает принципиально новую рыночную нишу, которая неизбежно будет перетягивать на себя потребителя из традиционных форм. И чем больше новые поколения студентов вовлекаются в цифровую среду, тем более успешным может оказаться дистанционное образование, построенное на цифровых технологиях. Учитывая доминирование английского языка, крупные англоязычные университеты могут превратиться в глобальные образовательные хабы, прочно перехватив инициативу в свои руки» [9]. Именно поэтому России сегодня необходимо инвестировать в новые формы образования, а также в их продвижение за рубежом.

Деятельность российских аналитических центров заслуживает особого внимания. По результатам последнего опубликованного рейтинга фабрик мысли 2018 г., в котором было оценено 8 248 организаций по всему миру, количество аналитических центров в России увеличилось до 215; таким образом наша страна оказалась на седьмом месте среди стран с наибольшим количеством аналитических центров. Первое место традиционно заняли США с 1871 организацией, второе и третье у Индии (509) и Китая (507), где последние годы этот социальный институт активно развивается [10]. Три российские фабрики мысли попали в общемировой рейтинг *Top Think Tanks Worldwide 2018 (U.S. and non-U.S.)* – это Московский центр Карнеги (27 место), Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) (33 место), Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России) (125 место) [11, с. 157]. Таким образом, очевидно, что это направление деятельности развивается довольно успешно.

В отношении программ гуманитарного сотрудничества – главным образом, в сфере языка и культуры, хотелось бы отметить, что большую работу в данном направлении продвигает Агентство Россотрудничество, проводящее культурно-просветительские и образовательные мероприятия, направленные на знакомство зарубежной аудитории с русской культурой, а также популяризирующее изучение русского языка. культурная дипломатия. В целом, культурная дипломатия России развивается довольно успешно. По всему миру регулярно проводятся выставки, конференции, фестивали, посвященные национальной культуре, литературе, музыке, кинематографу.

Одновременно с этим существует и ряд трудностей. Давно известно, что США и ряд других иностранных государств пользуются популярностью в мире благодаря своему кинематографу, что является одним из аспектов стратегии «мягкой силы». Именно посредством фильмов и сериалов государство может внедрить в сознание зарубежной публики свои ценности. Современный российский кинематограф пока не занимает лидирующих позиций в мире, однако, наибольшим успехом у зарубежной аудитории пользуются фильмы, снятые по историческим событиям и по художественным произведениям, например, «Союз Спасения», «Екатерина», «Адмирал», «Анна Каренина», сериал «Романовы», а также ряд фильмов, снятых в советское время. Поэтому очевидно, что российским режиссерам необходимо уделять больше внимания фильмам такого жанра, чтобы сделать Россию полюсом притяжения.

Что касается двух других ресурсов публичной дипломатии – цифровой дипломатии и деятельности дипломатов – то эти направления Россия также развивает довольно эффективно. Е. Кузнецов отмечает: «... продвижение культуры, образования и цифровых технологий уже достигло своего предела» [3]. Однако, мы считаем, что в этом направлении Россия также может предпринять определенные шаги. Благодаря сети Интернет обмен информацией осуществляется быстрее, диалог между политиками и общественностью упростился. Отмечается рост значимости личностного фактора, когда образ политика экстраполируется на всю страну. Например, в Instagram мы видим личные фотографии политиков, их семей, под которыми всегда присутствуют подписи о мире, о единстве, что, несомненно, улучшает имидж высокопоставленных должностных лиц, и как следствие, имидж страны [12, с. 48]. На дипломатах также лежит огромная ответственность представлять и защищать национальные интересы своего государства, поддерживать связи как с официальными представителями, так и с зарубежной аудиторией и российскими гражданами, проживающих на территории иностранного государства. Необходимо понимать важность развития социальных сетей и такого рода деятельности как блогинг. Перед дипломатами должна быть поставлена новая задача – расширение сферы своей деятельности, в том числе, и за счет социальных сетей, посредством знакомства иностранных граждан с российской историей, культурой, менталитетом и традициями.

Обозначив все имеющиеся в распоряжении России ресурсы для реализации концепции «мягкой силы», перейдем теперь к трем основным компонентам, о которых говорил Д. Най, а именно: культуре (которая привлекала бы других), политическим ценностям (которые признаны внутри государства и за его пределами), а также внешней политике (которая должна быть абсолютно законной и имеющей моральный авторитет).

Проблема сегодня заключается в том, что Россия не предлагает миру глобальной идеи, определенного набора ценностей и типовой культуры, как это было в советские времена. Это связано с тем, что после распада СССР в 1990-е гг. и позже в начале 2000-х гг. российское руководство сознательно отказалось от идеологии во внешней политике. Вместе с тем, очевидно, что без политической парадигмы, без формулирования ценностных культурных ориентиров стране невозможно стать геополитическим полюсом притяжения.

Бывший Министр иностранных дел Российской Федерации И. Иванов отмечает: «...идея, а не материальный ресурс, станет определяющим политическим преимуществом государства в глобализирующем мире» [13]. «Только в последние годы на волне государственного укрепления и расхождения с Западом по целому ряду внешнеполитических тем и концептуального понимания устройства мира Россия начала формулировать для себя ценностные ориентиры, к которым с интересом относятся во многих странах», – отмечает Н.В. Бурлинова [7, с.28]. Таким образом, очевидно, что определенные успехи в развитии двух первых компонентов у России

есть, хотя для успешной реализации концепции «мягкой силы» предстоит сделать намного больше.

В отношении третьего компонента – внешней политики – хотелось бы отметить следующее. Помимо культуры и политических ценностей государство должно выстроить грамотную внешнюю политику. Внешнеполитические концепции, доктрины, представительство в международных организациях, причастность к международной жизни – являются важными составляющими глобального влияния наряду с официальной помощью в целях развития, а также деятельностью неправительственных организаций и частных лиц в рамках публичной дипломатии (о чем было сказано выше). Внешняя активность государства, безусловно, влияет на позиционирование страны на международной арене и принятие данной страны мировым обществом. В данном направлении Россия более успешна.

Официальная помощь в целях развития (ОПР)

Е. Кузнецов отмечает: «С момента возвращения в число международных доноров в 2004 г. Россия существенно нарастила объемы помощи с 50 миллионов до 1 миллиарда долл. США в 2016 г.» [3]. При этом обращается внимание на один немаловажный факт, а именно: около половины российской помощи в международном развитии составляет списание долговых обязательств. С 2016 по 2017 гг. Россия списала долги Кыргызстану, Кубе, КНДР, Сербии, Сирии и Армении. С одной стороны, такая форма помощи способствует смягчению экономических трудностей в вышеперечисленных государствах, однако, с другой стороны, такая практика совершенно не укрепляет публичный образ России как донора в этих странах, так и на мировой арене. Возможным решением проблемы, которое предлагает Е. Кузнецов, могло бы стать создание единого центра, который занимался бы выработкой политики, операционной деятельностью, мониторингом и оценкой, а также популяризацией российской помощи. В качестве примера приводится деятельность Турции. Так, эксперт отмечает: «В сфере ОПР России стоит посмотреть на пример Турции. Именно благодаря своей широкомасштабной гуманитарной деятельности она продолжает удерживаться в рейтинге «мягкой силы», несмотря на серьезную критику со стороны мировой общественности на фоне политических репрессий после неудачного путча и ограничений свободы слова... Турецкое агентство по международному развитию, ТИКА, изначально созданное в 1992г. для помощи тюркоязычным республикам бывшего СССР, сейчас располагает офисами в 56 странах» [3].

Международная гуманитарная помощь

Российская Федерация является центром международной гуманитарной помощи. За последние 20 лет МЧС России провело за рубежом почти 400 крупных гуманитарных операций, из них около 250 — по доставке грузов гуманитарной помощи. И по мнению замглавы МЧС Владимира Степанова, Россия стала мировым лидером в оказании чрезвычайной гуманитарной помощи. Также в разгар пандемии Россия предоставила антикоронавирусную помощь в виде медицинского оборудования, средств личной защиты от коронавирусной инфекции в страны Азии, Ближнего Востока, Европы, что, безусловно, положительно влияет на позиции нашей страны на мировой арене [14].

Деятельность российских НПО за рубежом

В докладе «30 ведущих стран по критерию мягкой силы» отмечается, что основная тенденция развития современных международных отношений состоит в передаче власти от государств к негосударственным субъектам международных отношений (к корпорациям, неправительственным организациям, многосторонним институтам, группам гражданского общества, а также отдельным индивидам). По мнению Д. Ная, «мягкая сила» гораздо более эффективна, если она максимально отделена от власти и, следовательно, государственной пропаганды. В этом отношении

следует отметить, что позиции России в этом направлении недостаточно прочны. Е. Кузнецов отмечает: «В России НПО формально считаются партнерами правительственных учреждений в работе по «расширению международных общественных связей государства». Однако на практике такая совместная деятельность сведена к минимуму. Непростая ситуация с НПО внутри России очевидно оказывает свое влияние и на международную деятельность российских НПО. На сегодняшний день только 281 НПО из России имеет консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН, ключевом органе по работе с организациями гражданского общества. Бельгии представлена в Совете 409 НПО, Франции 866 НПО, а у Бразилии консультативный статус имеют 1357 НПО» [3]. Таким образом, очевидно, что России необходимо развивать это направление, за счет поддержки и развития деятельности уже осуществляющих свою деятельность в этой сфере НПО, таких, как «Справедливая помощь Доктора Лизы», «Русская гуманитарная миссия», «Русский мир», Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, Институт демократии и сотрудничества, а также посредством использования потенциала общества Российского Красного Креста, который сегодня используется не в полной мере.

Российское представительство в международных организациях

Как известно, 2018 был объявлен годом добровольца и волонтера. Однако мало кто в России знает, что существует Программа добровольцев ООН, которая мобилизует тысячи добровольцев для работы в гуманитарных и миротворческих миссиях. По статистике за 2016 г., только 16 человек представляли нашу страну, в то время как из Франции было 174 добровольца, из Италии 102 и 114 из Испании. Такой разрыв, впрочем, не удивителен, учитывая тот факт, что информация об этой программе есть на сайтах МИД всех вышеуказанных стран, за исключением МИД России [3].

Е. Кузнецов отмечает: «По данным на 2016 г. в ООН работало **549** граждан России в профессиональной категории (Р), имеющих голубой паспорт ООН. Еще 357 россиян было занято в качестве секретарей, ассистентов, сотрудников службы безопасности, а также сотрудников Московского офиса ООН. Большинство россиян представлено в Секретариате ООН в Нью-Йорке и миротворческих миссиях. В специализированных агентствах ООН, за исключением МАГАТЭ, это число еще более скромное. Например, в Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), ведущем агентстве ООН по международному развитию с офисами в 166 странах мира, работает только 14 россиян, число равнозначное гражданам Камеруна» [3]. Такое низкое представительство российских граждан в ООН и ряде других международных организаций связано с рядом как объективных, так и субъективных факторов, однако главное, что России необходимо понять сегодня – это то, что российскому правительству и, прежде всего, МИД нужно стремиться обеспечивать широкую информационную поддержку и продвигать россиян на должности в международных организациях, чтобы обеспечить защиту своих интересов в рамках этих организаций и создать необходимый инструмент реализации стратегии «мягкой силы».

Учитывая все вышеизложенное, мы можем сделать ряд выводов, которые, на наш взгляд, являются важными:

1. Чтобы стать геополитическим полюсом притяжения, России сегодня необходимо сформулировать важные для страны культурные ориентиры. Ценностные политические ориентиры уже начинают формироваться, однако, это ещё далеко не полноценная концепция, и над ее выработкой руководству страны еще предстоит работать.

2. В глобальной образовательной среде, где доминирует английский язык, российским университетам будет крайне сложно конкурировать с ведущими англоязычными и неанглоязычными ВУЗами. На наш взгляд, России необходимо, во-

первых, сосредоточиться на тех дисциплинарных направлениях, в которых мы традиционно имеем лидерские позиции, и во-вторых, немаловажной будет государственная поддержка долгосрочных фундаментальных программ.

3. В качестве основного направления работы российской публичной дипломатии рассматривается международная информационно-разъяснительная работа. В последние годы отмечаются определенные успехи в данном направлении, в частности, усиление информационной работы телеканала Russia Today и агентства Sputnik, новая цифровая дипломатия МИД России, активную роль в которой играет директор департамента информации и печати Мария Захарова. Одновременно с этим, важно отметить, что деятельность таких институтов, как Россотрудничество, МИД, *Russia Today* и *Sputnik* не способно существенно улучшить положительный образ страны, так как они связаны напрямую с государством и воспринимаются западной общественностью в контексте «пропаганды». В настоящее время более действенным инструментом «мягкой силы» могли бы стать НПО и даже отдельные граждане.

4. Недостатком деятельности всех институтов публичной дипломатии является их автономность и отсутствие системности, так как не существует единого органа, который был бы способен координировать и контролировать их деятельность. Ввиду этого мы считаем очень важным и абсолютно необходимым создание единого центра, способного обеспечивать системную работу институтов. Не менее важным является и создание единого органа, который занимался бы выработкой политики оказания российской помощи развитию отдельных государств, а также популяризацией этого вида деятельности.

5. Чтобы быть на равных с государствами-лидерами в области реализации концепции «мягкой силы» России необходимо оказывать информационную поддержку и проводить ряд программ с целью привлечения своих граждан в международные институты.

6. На международной арене благодаря своей Концепции внешней политики Россия однозначно позиционирует себя в качестве одного из главных игроков в обеспечении глобального мира и безопасности. Гуманитарная деятельность позволяет России показать себя с хорошей стороны и восприниматься иностранными гражданами как миролюбивое государство. При этом необходимо помнить, что все шаги по улучшению образа России за рубежом должны быть предельно осторожными, не содержать в себе идеологических, оппозиционных, противоправных элементов, чтобы иностранное государство не приняло российскую стратегию «мягкой силы» за вмешательство в его внутреннюю политику.

1. Nye, Joseph S. Think Again: Soft Power [Text] // Foreign Policy. – February, 23, 2006. P. 3-8.
2. Смородина Ю.В. «Мягкая сила» России и пути повышения ее эффективно-сти [Текст] // Россия и современный мир. – 2017. С. 11-19.
3. Кузнецов Е. «Мягкая сила» России: чего не хватает? [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. – 2018. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/myagkaya-sila-rossii-chego-ne-hvataet/>.
4. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power [Electronic resource] // USC Center on Public Diplomacy – 2018. –Access mode: <https://portland-communications.com/publications/a-global-ranking-of-soft-power-2018/>.
5. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power [Electronic resource] // USC Center on Public Diplomacy – 2019. – Access mode: <https://portland-communications.com/publications/a-global-ranking-of-soft-power-2019/>.
6. Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.) [Электронный ресурс] //Гарант.ру – Информационно-правовой портал. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/#review>.
7. Бурлинова, Н.В. Курс общественного дипломата. Учеб.-метод. материалы №4/2017 [Текст] //Российский совет по международным делам (РСМД). – М., 2017 – 76 с.

-
8. Стефанович М. Российские ВУЗы с программами студенческого обмена [Электронный ресурс] //HotcoursesRussia, Idp Компания. – 15.07.2020. – Режим доступа: <https://www.hotcourses.ru/study-abroad-info/choosing-a-university/russian-universities-with-student-exchange-programs/>.
 9. Тимофеев И. «Мягкая сила», диверсификация экономики и дилеммы российских университетов [Электронный ресурс] //Российский совет по между-народным делам (РСМД). – 11.04.2016. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/myagkaya-sila-diversifikatsiya-ekonomiki-i-dilemmy-rossiyski/>.
 10. McGann J. G. 2018 Global Go To Think Tank Index Report [Electronic re-source] // Access mode: https://repository.upenn.edu/think_tanks/16.
 11. Ивченкова М. С. Функционирование российских «фабрик мысли» в информационном обществе [Текст] //Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 151–164. С. 150 – 164.
 12. Жерновая О.Р. Язык как инструмент «мягкой силы» государства (на примере США) [Текст] //Вестник АГУ, 2018, №4. С. 47-51.
 13. Иванов И. Какая дипломатия нужна России в XXI веке? [Текст] // Россия и мусульманский мир, 2012. С. 15-21.
 14. Исамова Л. Россия за 20 лет стала лидером в оказании международной гуманитарной помощи [Электронный ресурс] //РИА Новости. – 19.08.2014. – Режим доступа: <https://ria.ru/20140819/1020553848.html>.
-